

С. И. Межеричкая
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;
s.mezheritskaya@spbu.ru

ДЕКЛАМАЦИЯ, АПОЛОГИЯ И ОРАТОРСКАЯ РЕЧЬ: СИМБИОЗ ЖАНРОВ И НОВАЯ СОФИСТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА

Литература Второй Софистики отражает влияние классической традиции на литературу II–III вв. н. э. Софисты сознательно стремились к различного рода инновациям, в частности — к появлению новых жанров, таких как прозаический гимн, декламация, экфрасис и др., а также «жанровых гибридов». Вопрос о жанровых гибридах и причинах их появления до сих пор до конца не изучен. В настоящей статье проводится анализ структуры нескольких «гибридных» сочинений софистов и выдвигается гипотеза, в которой самопрезентация авторов рассматривается как важнейший фактор жанровой инновации.

Ключевые слова: античная риторика, древнегреческая литература, Вторая Софистика, жанр, инновация, Дион Хрисостом, Элий Аристид, Лукиан.

S. I. Mezheritskaya
St. Petersburg State University, Russia; s.mezheritskaya@spbu.ru

Declamation, apology, and oration: Symbiosis of genres and a new sophistic rhetoric

There is no doubt today that the literature of the Second Sophistic was neither imitative, nor unoriginal, nor uninteresting from any point of view, as was believed in the 19th and first half of the 20th centuries. Over the past few decades, many works have appeared on the question of the influence of the classical tradition on the sophistic literature of the 2nd-3rd centuries CE. As a result, the researchers came to the conclusion that the sophists not only did not limit themselves to the rigid framework of Atticism, but also consciously strove for various kinds of innovations. The most significant of them is the emergence of both new genres, such as prose hymn, declamation, ekphrasis, etc., and “genre hybrids” that arose as a result of a symbiosis of several different genres. The question of genre hybrids and the reasons for their appearance is still relevant and has not been fully studied: why and how they were created, what works of sophists can be qualified as genre hybrids, how the authors themselves perceived this kind of innovation, etc. This article analyzes the structure of several “hybrid” works of the sophists, on the basis of which a hypothesis is put forward that the self-presentation of the authors was the most important factor in genre innovation in the literature of the Second Sophistic.

Keywords: ancient rhetoric, Ancient Greek literature, Second Sophistic, genre, innovation, Dio Chrysostom, Aelius Aristides, Lucian.

Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что литература Второй Софистики, хотя и плохо сохранившаяся до нашего времени, не была, по выражению одного из исследователей прошлого века, подобием «старого, выдохшегося вина... в новых, прекрасно украшенных чашах» (Van Groningen 1965: 47). Многочисленные работы, посвященные этой проблематике, которые появились за последние несколько десятилетий, убедительно доказали, что софистическая литература римской эпохи не являлась ни подражательной, ни лишенной оригинальности или «безынтересной с любой точки зрения», как полагали многие ученые в XIX и первой половине XX вв.¹ И дело здесь не только в формировании новых подходов, позволивших увидеть за так называемой «вторичностью» литературы Второй Софистики признаки «интертекстуальности, аллюзивности и литературной саморефлексии» (Whitmarsh 2005: 9). Просто вслед за вопросом о влиянии классической традиции на произведения поздней греческой литературы II–III вв. н. э. логически встал вопрос о месте инновации в этих произведениях, о соотношении традиции и инновации и о том, как сами античные писатели и теоретики ораторского искусства смотрели на эту проблему. Очевидно, что новые «софисты», жившие в римскую эпоху, не только не ограничивались строгими тематическими и стилистическими рамками, несмотря на жесткие предписания аттицизма, но и сознательно стремились к различного рода инновациям. Как верно заметил Г. Андерсон, один из современных исследователей литературы Второй Софистики, «там, где существует понятие нормы, возникает и желание ее ниспровергнуть» (Anderson 1993: 72). Более того, тема инновации часто становится предметом саморефлексии в произведениях некоторых авторов Второй Софистики. Так, в прологе к речи «Зевксис, или Антиох» Лукиан рассказывает, как после очередного выступления толпа хвалила его за проявленную новизну («τὸν νεωτερισμόν»)². И хотя автор в данном случае открыто

¹ См., в частности: Norden 1898: 274 ff.; Baumgart 1874: 38 ff.; Boulanger 1923: 358 ff.

² “Ὁ τῆς καινότητος. Ἡράκλεις, τῆς παραδοξολογίας. εὐμήχανος ἄνθρωπος. οὐδὲν ἄν τις εἴποι τῆς ἐπινοίας νεωρότερον” (Luc. *Zeux.* 1). «“О, какая новизна (каинότης)!” “Геракл! Что за неожиданные обороты мыслей!” “Изобретательнейший человек!” “Никогда никто не придумал»

иронизирует над этими чрезмерными похвалами и над тягой публики ко всему новому, этот пассаж отражает общее положение дел. Элий Аристид, осуществивший довольно смелую для своего времени адаптацию поэтического жанра религиозного гимна к прозе³, в обширном проэмии прозаического гимна «К Серапису» убеждает слушателей в том, что ораторы могут писать гимны богам не хуже, чем поэты (Or. XLV 1–13 K). Не только ораторы и писатели, но даже представители наиболее консервативной риторической теории признавали за инновацией право на существование, хотя и рекомендовали ораторам всячески ослаблять и маскировать эффект от различного рода нововведений и отклонений от традиционного способа высказывания (Hermog. *De invent.* 3.16; Pseudo-Aristid. *Ars rhet.* 1.9.1.2, 1.13.1.7, 1.13.2.1, 2.2.1.17, 2.12.1.5, 2.13.1.21, 2.13.1.24, 2.13.1.26; Pseudo-Dionys. *Ars rhet.* 10.10)⁴.

В настоящей статье проблему инновации в литературе Второй Софистики предлагается рассмотреть на материале произведений ряда авторов, которые отваживались на довольно смелые эксперименты в области не только словесного выражения, но и жанровой структуры. Помимо появления в поздней греческой литературе таких новых жанров, как упомянутый выше прозаический гимн, литературный диалог⁵ или роман⁶,

мывал, не высказывал столько свежего, неслыханного (νεαρώτερον)!”». *Пер. Н. П. Баранова.*

³ См. об этом подробнее: Pernot 2007; Goeken 2012; Hodgkinson 2015; Goeken 2016.

⁴ Ср. в частности: “ἔστιν δὲ ὁ μὲν καιρὸς ἐκεῖνος, ὅταν ἐναργέστερόν τι ὄνομα ἢ ἀπὸ ποιήσεως ἢ διαλεκτικῆς ἢ ἱστορικῆς, χρῆσθαι, ὡς ὁ ῥήτωρ, πρὸς τὴν ἐνέργειαν. ἡ δὲ διοίκησις ἐκεῖνη, τὸ προεξηγήσασθαι καὶ τοῖς προταχθεῖσιν ἢ ἐπιφερομένοις οὐσι γνωρίμοις ἀφανίσαι τὴν καινότητα τοῦ ὀνόματος καὶ ὁμολογία χρῆσθαι τοῦ τὸ ῥῆμα ἐξ ἄλλης ἰδέας λόγων εἶναι ἰκανὴ γὰρ <ἡ> ὁμολογία καὶ παραμυθία τῆς καινότητος” (Pseudo-Dionys. *Ars rhet.* 10.10). «Подходящий случай — значит использовать это в целях ясности, когда слово из поэзии, диалекта или истории оказывается более ясным. Чтобы его использовать, нужно сначала подготовить почву и замаскировать новизну (καινότης) слова посредством ближайших слов, расположенных перед и после него, и этим показать, что слово из другого рода красноречия здесь уместно; так как уместности достаточно, и она компенсирует новизну». *Пер. автора статьи.*

⁵ См.: Anderson 1993: 67; Swain 2000; Trapp 2000; Whitmarsh 2004.

⁶ См.: Rhode 1914; Bowie 1974; Bartsch 1989; Anderson 1993: 65–67; Whitmarsh 2005: 86 ff.

жанровое своеобразие текстов Второй Софистики обеспечивалось, в том числе, и за счет трансформации старых жанров и появления так называемых «жанровых гибридов», сочетающих в себе элементы разных риторических и литературных жанров: панегирика, гимна, приветственной и политической речи, диатрибы, философского диалога, апологии и пр.⁷ Примерами таких гибридов могут служить многие сочинения Элия Аристида, Диона Хрисостома и Лукиана. Например, «Палинодия Смирне» Аристида (Or. XX), написанная в ознаменование окончания восстановительных работ в Смирне после землетрясения 178 г., наряду с обычными топосами панегирика городу содержит элемент диатрибы — философское рассуждение о судьбе города, а также элементы автобиографии, похвалы императорам, оказавшим помощь в восстановлении города⁸, и финальную молитву к богам — традиционный элемент религиозного гимна. В «Истмийской речи, К Посейдону» того же Аристида (Or. XLVI), являющейся прозаическим гимном этому богу, неоднократно встречаются обращения к жителям Коринфа, что характерно больше для жанра политической речи (λόγος πολιτικός). Точно также в «Панегирике, произнесенном в Кизике в честь храма» похвала храму и императору Адриану, в честь которого храм был построен, соседствует с воззваниями к гражданам города. Весьма любопытный пример жанрового гибрида являют собой две «Смирнские речи» Аристида, формально относящиеся к жанру приветственных (λόγοι πρόσφωνητικοί). В них оратор почти полностью отступает от риторического канона приветственной речи и вместо обычной в таких случаях похвалы правителю и его деяниям переходит к похвале Смирне (Or. XVII). Таким образом, первая «Смирнская речь» по сути является панегириком городу, центральную часть которого занимает описание его достопримечательностей⁹. Много жанровых «гибридов» обнаруживается среди речей Диона Хрисостома. Например, в речи под названием «В Келенах Фригийских» (Or. XXXV) Дион, подобно Аристиду, нару-

⁷ Подробнее о комбинации в софистических текстах элементов эпоса, драмы, риторической декламации и т. д. см.: Anderson 1993: 197 ff.

⁸ Энкмий императору рассматривался в позднеантичной риторической теории как отдельный жанр со своим специфическими особенностями и предписаниями.

⁹ См.: Mezheritskaya 2017: 228–229.

шает привычную схему панегирика городу включением в нее элементов автобиографии и инвективы: на протяжении большей ее части он говорит о себе и современных ему софистах, которых подвергает суровой критике. Другое бросающееся в глаза отклонение от риторического канона этого жанра — экфразис Индии, введенный в речь как бы à propos.

Особый интерес представляет влияние на произведения софистов жанра риторической декламации (лат. *declamatio*, др.-греч. *μελέτη*). Изначально (начиная примерно с IV в. до н. э.) декламация была сугубо школьным риторическим упражнением, являющимся завершающим этапом в традиционной подготовке оратора (*προϋμνάσματα*). Обычно декламации представляли собой речи на вымышленные темы, точно воспроизводящие язык и стиль классических аттических ораторов¹⁰. Чаще всего темами для таких декламаций становились различные события греческой истории — Греко-Персидские войны, Пелопонесская война, противостояние Греции и Македонии во времена Демосфена, эпоха Александра Великого и т. д. Флавий Филострат в «Жизнях софистов» (I 542–543; II 575 etc.) приводит названия некоторых таких декламаций: «Некто советует Дарию построить мост через Истр», «Артабаз отговаривает Ксеркса от второго похода на Элладу», «Перикл призывает продолжать войну...»; «Солон требует отменить свои законы...», «Ксенофонт желает умереть вслед за Сократом», «Демосфен требует себе смерти за то, что сносился с Гарпалом» и т. п. К числу таких упражнений относилась и этопея (*ἠθοποιία*), т. е. изображение персонажа в особых, жизненно важных обстоятельствах (например, сцена прощания Гектора и Андромахи, оплакивание Ахиллом тела Патрокла и т. д.), — очень близкая к декламации, от которой она, однако, отличалась большей полнотой и завершенностью формы (см.: Russell 1983: 10–12). Кроме того, в отличие от других риторических упражнений, декламация служила тренировкой именно в произнесении (*ἀναφώνησις*), а не в составлении речей¹¹. Однако в

¹⁰ См. подробнее: Kohl 1915; Russell 1983; Anderson 1993: 47 ff.; Schröder 2003; Kaster 2011.

¹¹ Менандр Лаодикейский (III 331, 16 Sp.) называет ее «тренировкой (*μελέτη ἀγώνων*, букв. «тренировка в состязаниях» — *С. М.*) для реальных случаев, а не истинно эпидейктическим [родом красноречия]».

какой-то момент — по всей видимости, незадолго до эпохи Филострата — она превратилась в самостоятельный жанр ораторского искусства, что также можно рассматривать как значительную инновацию в жанровой системе Второй Софистики (см.: Bowie 1974: 170–173; Russell 1983: 106–128; Anderson 1993: 103–119; Gunderson 2000).

Одним из важнейших элементов декламации был экфразис (ἐκφράσις), который в указанную эпоху также становится самостоятельным литературным жанром — λόγος περιηγηματικός (ср. «Картины» Филострата Младшего и «Статуи» Каллистрата). По справедливому замечанию Г. Андерсона, «описание в руках софистов представляло собой нечто большее, чем просто литературное упражнение... Это было распространением культурного опыта и способом видения мира» (Anderson 1993: 154). Чаще всего предметом экфразиса у софистов становились природные ландшафты, города, храмы, произведения искусства и т. п. В хорошо известной «Эвбейской речи» Диона Хрисостома можно найти множество примеров экфразиса: это и описания сельской местности, и города, и театра, и народного собрания (Or. VII 14–15, 23, 24, 26–27). Выше уже упоминалось описание достопримечательностей Смирны в первой «Смирнской речи» Элия Аристида (Or. XVII 9–20, 22 К). Другой яркий пример экфразиса у того же оратора — описание храма Адриана в Кизике, который занимает центральную часть «Панегирика, произнесенного в Кизике в честь храма» (Or. XXVII 17–21К). Не менее пространным описанием Нила эффектно завершается длинная череда рассуждений о причинах разливов реки в «Египетской речи» Аристида (Or. XXXVI 114–125 К). Особого внимания заслуживает экфразис Коринфа в его «Истмийской речи, К Посейдону» (Or. XLVI 17–31 К), который занимает примерно третью часть речи и поражает не только своими размерами, но и тем, что является здесь явным отступлением от риторического канона религиозного гимна, в основе которого обычно лежала похвала богу и связанный с ним миф (см.: Menander Rhet. III 333–334 Sp.). Приведем небольшой отрывок из этого описания:

ἀλλὰ δῆτα τοῦ κάλλους αὐτῆς καὶ τῶν ἡμέρων καὶ τῶν ἐρώτων
τόσον ἐξῆπται τὸ πλῆθος, ὡς πάντας μὲν ἀναδήσασθαι τῷ ἡδεῖ,
φλέγεσθαι τε ἅπαντας ἐπ' αὐτῇ ὁμοίως, εἶχει δὲ ἐν ἑαυτῇ φιλότητας
ἡμέρους ὀαριστὴν πᾶρφασιν, ὡς κλέψαι τὸν νοῦν καὶ τῶν μέγα ἐφ'

ἑαυτοῖς φρονούντων, καὶ εἰ δεῖ τι ἄλλο πρὸς τούτοις πάντα ὅσα λέγεται τῆς θεοῦ φάρμακα, ὡς εἶναι σαφῶς τῆς Ἀφροδίτης τὴν πόλιν, ἣν ἔμοι ἐπονομάζειν ἔπεισιν ὅστις ποτὲ οὗτος ὁ κεστός ἐστιν, ᾧ πάντας ἢ θεὸς ἀναδεδίται πρὸς ἑαυτὴν, καὶ καθάπερ τινὰ ὄρμον καὶ περιδέραιον συμπάσης τῆς Ἑλλάδος τοῦτ' εἶναι, καὶ τέμενος Νυμφῶν, Ναϊδῶν ἀπασῶν ἐνταυθοῖ ναουσῶν, καὶ θάλαμον Ὠρῶν, ᾧ πάντα τὸν χρόνον ἐγκάθηνται καὶ ὄθεν προέρχονται ἀνοηγῦσαι τὰς πύλας εἴτε Διὸς σύ γε βούλει καλεῖν εἴτε Ποσειδῶνος, εἰ δὲ καὶ ἔρις ποτὲ περὶ κάλλους ἐνέπεσε ταῖς πόλεσιν, ὥσπερ ταῖς θεαῖς λέγεται ποτὲ γενέσθαι ἐν ἀλλήλαις, μετὰ Ἀφροδίτης ἂν ἦν. καὶ περὶ μὲν τοῦ εἶδους τῆς πόλεως τί ἂν τις καὶ λέγοι, ὃ γε οὐδὲ οἱ πάντων ὀφθαλμοὶ χωρεῖν εἰσιν ἱκανοί; μεγέθους γε μὴν τί ἂν τις μείζον τεκμήριον ποιήσαιο ἢ τὸ ἀποτετάσθαι αὐτὴν εἰς ἀπάσας θαλάττας, καὶ συνφοκίσθαι τε αὐταῖς καὶ παρακατωκίσθαι, οὐ τῇ μὲν, τῇ δὲ οὐ, ἀλλὰ πάσαις ὁμοίως. καὶ μὴν εὐνομίας γε ὀρμητήριον ἢ πόλις... ἔτι καὶ νῦν βραβεύει τὰ δίκαια τοῖς Ἑλλησι. πλοῦτου γε μὴν καὶ πλήθους ἀγαθῶν ὅσον εἰκὸς ἐπαντλούσης αὐτῇ τῆς τε γῆς τῆς πανταχόθεν καὶ τῆς πανταχόθεν θαλάττης, οἷον ἐννάουσαν ἐν μέσοις τοῖς ἀγαθοῖς καὶ περικλυζομένην αὐτὴν, καθάπερ τινὰ ὀλκάδα ἐν κύκλῳ μεστήν τῶν ἀγαθῶν· σοφὸν δὲ διὸ καὶ καθ' ὁδὸν ἐλθῶν ἂν εὖροις καὶ παρὰ τῶν ἀψύχων μάθοις ἂν καὶ ἀκούσειας· τοσοῦτοι θησαυροὶ γραμμάτων περὶ πᾶσαν αὐτὴν, ὅλοι καὶ μόνον ἀποβλέψειε τις, καὶ κατὰ τὰς ὁδοὺς αὐτὰς καὶ τὰς στοάς.

‘Столь сильную любовь и влечение пробуждает великая красота города, что всякий ей охотно подчиняется и равно ею воспламеняется, ибо «есть в нем любовь, желания, беседы, увещеванье, уловляющие разум и самых разумных»¹², и прочее вдобавок к сему — всё, что именуют снадобьями богини, и потому, без сомнения, сей город принадлежит Афродите. Приходит мне на ум назвать его самим «поясом», коим богиня всех к себе привлекает¹³; и еще ожерельем¹⁴ и бусами всей Эллады; и священной обителью Нимф, куда приплывают все Наяды; и чертогом Ор, в коем те вечно обитают, покидая его лишь для того, чтобы распахнуть ворота — то ли Зевса, то ли Посейдона. И ежели когда-нибудь возник бы среди городов спор из-за красоты, каковой, говорят, разгорелся между богинями, сей город занял бы место Афродиты. Возможно ли описать облик города, когда очей всего человечества мало, чтобы его обозреть? О величине же его что можно сказать лучше, чем то, что протянулся он до самых морей, гранича с ними и будучи ими окружен, — и не с каким-то одним, но с обоими разом¹⁵?

¹² Парафраз следующих строк из «Илиады», описывающих пояс Афродиты (XIV 216–217):

«В нем и любовь, и желания, шепот любви, изъяснения, Льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных» (Пер. Н. Гнедича).

¹³ См.: Нот. II. XIV 214–215.

¹⁴ См.: Нот. Нумн. VI 10 sq.

¹⁵ Имеются в виду Коринфский и Саронический заливы.

Сей город положил начало благозаконию...¹⁶ и ныне еще блюдет справедливость среди эллинов¹⁷. Всегда он полон богатств и обилен товарами, кои доставляются сюда отовсюду по земле и по морю, словно бы сам он плывет в гуще этих товаров, тяжело груженный, подобно торговому судну. Проходя через город, набираешься ты мудрости, обозревая его и внимая безмолвным учителям, ибо повсюду, куда ни взгляни, громоздятся здесь бесчисленные живописные сокровища — и на улицах, и в портиках, а вдобавок к ним — гимнасии и школы, науки и предания¹⁸ (Ог. XLVI 25–28).

Гимн Посейдону был произнесен оратором в 156 г. на Истмийских играх, которые оратор посетил в ходе своей поездки по Греции. И столь подробное описание Коринфа и Истма в сочетании с их похвалой, является, по всей видимости, не чем иным, как политическим шагом оратора, продиктованным желанием польстить коринфянам как устроителям этого праздника. Известно, что посещение города известным оратором обычно сопровождалось произнесением похвальной речи в адрес его жителей. Поэтому Аристид принимает довольно смелое решение — соединить в одной речи два разных жанра, а именно религиозный гимн и энкомий городу. Бесчисленные примеры экфразиса можно встретить и в произведениях Лукиана (см.: Piot 1914; Vompaire 1958: 707–735).

Помимо ораторских речей, описания всякого рода часто встречаются и в таком специфическом жанре позднегреческой литературы, как роман¹⁹. Еще Э. Роде (Rhode 1914: 361–387), положивший начало изучению жанра романа, указывал на многие сходные черты между греческим романом и риторическими декламациями на уровне отдельных мотивов и тем. Дальнейшие исследования в этой области позволили обнаружить более глубокие связи между романом и эпидейктическим родом красноречия (см.: Reardon 1974; Cassin 1986; Anderson 1993: 65–67, 148–150; Whitmarsh 2005: 86 ff. и др.). Например, такой риторический прием, как экфразис, сочинители романов скорее всего позаимствовали у ораторов, если учесть тот факт, что

¹⁶ См.: Pind. *Olymp. Od.* XIII 6. Далее лакуна в рукописи обозначена Б. Кейлем (см.: Keil 1898: 370, n. 18).

¹⁷ В Коринфе заседал проконсул провинции Ахайи.

¹⁸ Здесь и далее отрывки из речей софистов даны в переводе автора статьи.

¹⁹ Об экфразисе в греческой литературе см. детально: Palm 1965: 108–211; Anderson 1986: 259–268; Bartsch 1989.

некоторые из них сами являлись практикующими ораторами²⁰. По мнению некоторых ученых (см, в частности: Russell 1983: 83), именно декламации ораторов с их широким кругом тем и тщательно проработанной риторической техникой могли послужить образцом для сюжетов первых греческих романов. Кроме того, эти жанры сближает то, что оба они требовали навыков ведения искусного рассказа, в центре которого лежит такой риторический прием, как диегеза (διήγησις)²¹.

Примеров диегезы в софистических текстах большое количество. Так, около половины «Эвбейской речи» Диона Хриостома занимает рассказ оратора о своем кораблекрушении, чудесном спасении и последующем пребывании в гостях у охотника (Or. VII 2–80). Внутри этого рассказа, в свою очередь, вставлено длинное повествование охотника о собственной жизни (10–63). Таким образом, эта речь Диона и по форме, и по содержанию очень напоминает роман, только значительно меньшего размера, в котором присутствуют все традиционные признаки романического нарратива. Другой пример расширенного использования диегезы — «Египетская речь» Элия Аристида. Здесь мы встречаем не только рассказы о Ниле некоего Дравка (Or. XXXVI 33–34 К) и знатного эфиопа (55–56 К), с которыми Аристид познакомился во время своего путешествия по Египту в 141–142 гг., но и весьма увлекательное повествование самого Аристида о том, как он сплавлялся по нильским порогам (48–50 К). Можно, пожалуй, сказать, что «Египетская речь», подобно упомянутой выше «Эвбейской речи» Диона, представляет собой пример гибрида ораторской речи с рассказом об экзотическом путешествии — неотъемлемым элементом практически любого романа. Приведенный ниже отрывок вполне это подтверждает:

εἰ δὲ δεῖ κατ' αὐτὸν Ἠρόδοτον καὶ παρεξελθεῖν ψυχαγωγίας ἕνεκα καὶ μὴ δέον, ἔξω τοῦ προκειμένου τὸν λόγον ἐξάγοντα, οὕτως συνέβη. ὡς ἀνῆεν ἐπὶ τοὺς βωμοὺς οὗ τοῖς Αἰθιοπῖν ἔστιν ἡ φρουρά, πολλὴ τῆς ὄχθης ἀποσπᾶσας τοῦ ποταμοῦ, ὑπερβάς ἐπὶ τὸν ὄρμον, ὃς ἔστι πρῶτος ὑπὲρ Καταδοῦλων, εἰς Φύλας διέβαλον. ἔστι

²⁰ Филострат (Philostr. VS 526–527; 625–627) упоминает, в частности, Лоллиана, от которого до нас дошел большой фрагмент «Финикийского рассказа», и Гелиодора, знаменитого автора «Эфиопики».

²¹ О диегезе подробнее см.: Anderson 1993: 156–170. О связи между диегезой и экфразисом см.: Fowler 1991: 25–35.

δ' αὐτῆ νῆσος μεθόριον Αἰγύπτου καὶ Αἰθιοπίας, τοσαύτῃ τῷ μέγεθος ὅσηπερ ἡ ἐν αὐτῇ πόλις· περιρρεῖ δ' αὐτὴν ὁ Νεῖλος ἀκριβῶς μέσῃ ἐαυτοῦ ποιῶν. ἐπεὶ δ' ἐπανῆειν, ἐχώρου μὲν πάλιν τὴν αὐτὴν ἀπὸ τῶν Φιλῶν, καὶ προσεδόκων νῦν γέ που τοὺς καταρράκτας ὄψεσθαι. καὶ τοὺς ἄγοντας ἀνηρώτων, οἱ δ' ἠγνόουν. οὕτω δὴ γενόμενος πάλιν ἐν τῇ Σύνην, ἦν ἀπὸ τῆς Ἐλεφαντίνης ὁ Νεῖλος διαίρει, δέομαι τοῦ φρουράρχου, καίτοι φαύλως ὑπ' ἀρρωστίας διακείμενος, πέμψαι με ὀπίσω πλοῖόν τι κοῦφον δόντα, τῆς θέας ἕνεκα τῶν καταρρακτῶν, συμπέμψαι δὲ καὶ τοὺς ἀναγκάσοντας τοὺς ἐν τῇ νήσῳ τῶν καταρρακτῶν — εἰσὶ δ' οὗτοι ναῦται συνήθεις τοῦ ρεύματος — ἐπιδειξάτω ἡμῖν αὐτοὺς τε καὶ τὸ θέαμα δὴ τὸ ναυτικὸν ὃ τι εἶη· ἐπυθανόμην γάρ τῶν αὐτόθι· ὁ δὲ μάλα μὲν ἐργῶδες ἔφη εἶναι καὶ ἐθαύμαζε τὴν γνώμην, οὐκ οὐκ αὐτὸς γε μέχρι τούτου θαρρῆσαι, ἠρνήθη δὲ οὐ τό γε παντελές, ἀλλ' ἐπειδὴ πειρώμενος ἀποτρέπει οὐκ ἔπειθεν, οὕτω πέμπει, καὶ τᾶλλα ἔχων οικειῶς καὶ βουλόμενος χαρίζεσθαι. ἀνέπλευσα δὴ κάκεινους τε ἰέντας ὑπὲρ τῶν σκοπέλων, ὥσπερ εἴωθεσαν, εἶδον ἀπ' ἄκρας τῆς νήσου, ἣ ἀνέχουσα ἐκ μέσου περιφανεῖς πανταχῇ ποιεῖ τοὺς καταρράκτας, καὶ προσέτι αὐτὸς ἐπεθύμησα εἰς τὸν λέμβον ἐμβᾶς πειραθῆναι τοῦ πλοῦ, οὐ μόνον διὰ τῶν αὐτῶν δι' ὧν περ ἐκείνους εἶδον κατενηνεγμένους, ταῦτα δ' ἦν τὰ πρὸς ἔω τῆς νήσου, ἀλλ' ἄρξάμενος αὐτόθεν περιπλεῦσαι κύκλῳ πάν τὸ ὄρωμενον, καὶ κατὰ τὴν ἐτέραν τῆς νήσου πλευρὰν ἀφείναι κατὰ ῥοὴν ἐπὶ τὰς πόλεις, ὅπερ οὖν λέγω οὐκ ἀκούσας, ἀλλ' ἰδὼν ἀκριβῶς οἶδα, ὅτι ἢ τ' Ἐλεφαντίνῃ ὑπ' αὐτοῖς ἐστὶ τοῖς καταρράκταις, μεταξύ τε Σύνῃς καὶ Ἐλεφαντίνης οὐδὲν ἐστὶν ἀλλ' ἢ τὸ ρεῖθρον τοῦ ποταμοῦ καὶ προσοικεῖ τὴν ὄχθην ἑκατέρα τῶν πόλεων τούτων.

‘И если нужно по примеру самого Геродота, то есть для забавы слушателей и безо всякой нужды, оставить эту тему в стороне и рассказать о том, что напрямую с ней не связано, то вот что там со мной приключилось. Достигнув алтарей²², где стоит эфиопский гарнизон, я отплыл от берега на довольно большое расстояние и, причалив к месту стоянки, что находится прямо перед Катадупами²³, направился в Филы²⁴. Этот остров — пограничный между Египтом и Эфиопией, и город, который на нем расположен, занимает его весь без остатка. С обеих же сторон острова течет Нил, так что остров оказывается точно посередине реки. Возвращаясь обратно, я плыл от Фил тем же путем. Ожидая увидеть пороги, я спросил об этом проводников, но они ничего не знали. Итак, снова оказавшись в Сиене, отделенной от Элефантины течением Нила, я, хотя и чувствовал себя неважно, попросил начальника гарнизона дать

²² Вероятно, речь идет о местности на правом берегу Нила между Сиеной и прибрежной территорией, напротив о. Филы, по которой проходила дорога, позволяющая миновать участок Нила, не пригодный для плавания из-за порогов (см.: Strabo XVII 1, 50).

²³ Κατάδουλα — название первого нильского порога.

²⁴ Филы — египетский город на одноименном острове посреди Нила, у южной оконечности первого порога.

мне легкую лодку и отправить меня назад посмотреть на пороги, а вместе со мной — солдат, которые бы обязали лодочников, живших на острове вблизи порогов и хорошо знакомых с течением реки, показать нам как сами пороги, так и свое умение через них сплавливать. Об этих лодочниках я узнал от местных жителей. Однако начальник гарнизона, удивившись моей затее, ибо сам он до сих пор на такое не отваживался, ответил мне, что сделать это будет довольно трудно. Тем не менее окончательно он не отказал и после безуспешных попыток отговорить меня от этой поездки все же отправил нас туда, желая доставить мне удовольствие и являя всяческое свое расположение. И я поплыл вверх по течению. Достигнув же конечности острова, возвышающегося посреди реки, со всех сторон которого хорошо обозреваются пороги, я увидел лодочников, по своему обыкновению сплавливавшихся через скалы. Более того, я захотел, сев в лодку, сам испытать себя в этом деле — и не только в том месте, откуда они на моих глазах уносились вниз, т.е. с восточной стороны острова. Но, начав оттуда, я решил проплыть по всей обозримой территории и, двигаясь по течению реки, вновь вернуться к городам²⁵, обогнув остров с другой стороны' (XXXVI 48–50).

Мы видим также, что оратор хорошо сознает инородный характер этого вводного рассказа по отношению к содержанию ораторской речи, о чем он сам говорит в начале своего повествования, иронизируя над подобными географическими и этнографическими экскурсами Геродота. Это служит убедительным доказательством саморефлексии в речах софистов, отваживавшихся на различные жанровые и стилистические эксперименты. Особенно много гибридов ораторских речей с рассказами, в основном вымышленными, обнаруживается среди сочинений Лукиана (ср., в частности, «Правдивую историю», «Любителя лжи», «Токсариды» и др.) (см.: Whitmarsh 2005: 87). Таким образом, широкое использование в ораторских речах риторического нарратива, описания, а также гиперболы, способствовало их сближению с романом, получившим особую популярность в первые века новой эры, причем это сближение, по всей видимости, происходило в обоюдном направлении. Следует особо отметить и заметное усиление роли автобиографического начала в рассмотренных сочинениях софистов, что является значительной инновацией в позднеантичной риторике.

Эта тенденция проявляется также в том, что в риторических текстах Второй Софистики довольно часто встречаются эле-

²⁵ Т. е. к Элефантине и Сиене.

менты другого жанра греческой литературы — апологии. Более того, в римскую эпоху под влиянием классических образцов (ср. «Апологию Сократа» Платона и Ксенофонта, «Об обмене имуществом» Исократ, «За Ктесифонта о венке» Демосфена и др.) апология становится одним из наиболее востребованных жанров (ср., например, «Апологии» Апулея и Лукиана) (см.: Whitmarsh 2005: 80–81). Этот феномен имеет свое объяснение. Во-первых, в позднеантичной литературе существенно возрастает интерес к биографии в целом, что является следствием роста общественного интереса к отдельной личности (см., в частности: Anderson 1986). С другой стороны, софистам часто приходится защищаться в своих речах от различных упреков или нападок, что было обычным явлением в высококонкурентной ораторской среде. Взаимные обвинения, ссоры и многолетняя вражда между софистами в эту эпоху — хорошо засвидетельствованный факт (см.: Philostr. *VS* I 536; 490–491 etc.). Нередко в таких случаях самозащита принимала форму более или менее завуалированной самопохвалы, а также сопровождалась ответными выпадами оратора против соперников. В результате соединения жанров апологии и инвективы возникает некий гибридный жанр, который получает довольно широкое распространение в литературе Второй Софистики. Особенность подобных сочинений — обилие автобиографических деталей, что, как уже было сказано, является определенным новшеством в ораторском искусстве Второй Софистики в сравнении с произведениями классической риторики. Кроме того, элементы апологии и биографии начинают проникать и в риторические жанры, где они служат целям самопрезентации, а порой и самопродвижения ораторов в условиях жесткой конкуренции за популярность и признание публики²⁶. Ярким примером апологии является речь Элия Аристиды «По поводу одного высказанного замечания» (Or. XXVIII), которая содержит ответ оратора на критику в его адрес за нескромность и самовосхваление, якобы проявленные им во время произнесения гимна «К Афине». К числу апологических относится и речь Аристиды под названием «К обвиняющим его в том, что он не выступает публично» (Or. XXXIII), написанная в форме письма к другу. В

²⁶ О роли самопрезентации в речах софистов см. подробнее: Anderson 1993: 36–37, 216 ff.; Glaeson 1995; Whitmarsh 2005: 80–83.

ней оратор оправдывается за длительный перерыв в своей ораторской деятельности, вызванный ухудшением его здоровья. Наряду с этим апология включает в себя очевидную самопохвалу оратора, который противопоставляет себя «презренным софистам» (29 К), стремящимся, по его мнению, лишь к богатству и мимолетной славе и забывших об истинных задачах красноречия:

Φέρε δὴ τούτων οὕτως ὑποκειμένων τοῦμὸν θεάσασθε, κἄν μὲν εὐρίσκητε ἢ ῥαθυμοῦντα ἢ τι τῶν πάντων ἄλλο προὔργιαίτερον τῆς ἐν τοῖς λόγοις διατριβῆς ποιούμενον ἢ νῦν ἢ πρότερον λέγω, μᾶλλον δ' ὅλως ἐλλειποτά ὑπερβολὴν τῆς περὶ ταῦτα προθυμίας τε καὶ σπουδῆς, αἰτιάσθε καὶ μέμφεσθε ὅ τι βούλεσθε· εἰ δὲ καὶ <τοῦ> σκώματος οὐδὲν ἴσως <ἐλ>λελοίποτα, ὡς ἄρα αὐτό χρημα λόγος τις εἶην, τέρα δ' οὐδὲν μοι περιείργασται πώποτε πλὴν ὅσα πρὸς θεοῦς, ταῦτα δ' εἵργασται μὲν καὶ πέπρακται σὺν αὐτοῖς εἰπεῖν εἰς δύναμιν τὴν ἡμέτεραν ὡς ἐπιμελέστατα, περιείργασται δ' οὐδαμῶς — εἰ ταῦθ' οὕτως ἔχοντα φαίνοιτο, συγκαλύψασθε ἐπ' ἀμφοτέροις οἱ μήτε χρῆσθαι τολμώντες καὶ προσέτι τὰς γυναῖκας μιμούμενοι, ἅς φασιν, ἐπειδὴν αὐταὶ μηδὲν ὧν δεῖ τῇ γνώμῃ ποιῶσι, τοῖς ἀνδράσι περιτρέπουν τὰ σφέτερον αὐτῶν ἀμαρτήματα καὶ κακά. Σκοπεῖτε δὴ καθάπερ τινὰς εὐθύνας ἐξ ἀρχῆς ἐξετάζοντες ὡς δυνατὸν διὰ βραχυτάτων. ἔμοι γὰρ ἔδωκεν ὁ θεὸς νέω ἔτ' ὄντι χρῆσθαι διδασκάλους ... καὶ φήμας πρώτας παρ' ἐκείνων ἢ μὴν πρωτεύειν γενέσθαι μοι. ἀρξάμενος δ' ἐξ ἐκείνου δεῦρ' αἰεὶ διαγέγονα σχολάζων μαθήμασι καὶ λόγοις ὅσα μὴ χρεῖα σώματος διεκόλυσεν ἢ χρόνων περίοδοι συμφορὰς ἐνεγκοῦσαι μείζους τῆς προαιρέσεως. ἀλλ' ὅμως καὶ τοῦτοισι διεγινόμεθα ὡσπερ τις Ὀδυσσεύς, ἐχόμενοι τῆς ὁμιλίας, ἅτε οὐδ' ἔρημοι πλέοντες ἡμεῖς γε, ἀλλ' ὑπὸ τῷ μεγίστῳ καὶ φιλανθρωποτάτῳ τῶν κυβερνητῶν, ὃς ἡμῖν αἰεὶ τοὺς ... ἀνεῖχεν τὸ μὴ καταδύναι. μόνοι δὲ ὧν ἴσμεν Ἑλλήνων οὐ πλοῦτου χάριν, οὐ δόξης, οὐ τιμῆς, οὐ γάμων, οὐ δυναστείας, οὐ προσθήκης οὐδεμιᾶς τοῖς λόγοις ἐπεχειρήσαμεν, ἀλλ' αὐτῶν ἔρασται καθαρῶς καταστάντες ἐτιμήθημεν τὰ πρέποντα ὑπὸ τῶν λόγων. ἄλλοις μὲν οὖν ὁμιλία παιδικῶν ἦδὺν, τοῖς δὲ ὡς πλείστα λούσασθαι, τοῖς δ' εἰς πλῆθος πιεῖν, τοὺς δ' ἵπποι καὶ κύνες ἐξέπληξαν· καὶ νῆ Δία, οἱ μὲν παιδιᾷ προσέχοντες ἀφεστᾶσι τῶν λόγων, οἱ δ' ἕτερον ἄττα σπουδάζοντες. ἔμοι δὲ λόγοι πάσας προσηγορίας καὶ πάσας δυνάμεις ἔχουσι· καὶ γὰρ παῖδας καὶ γονέας καὶ πράξεις τε καὶ ἀναπαύσεις καὶ πάντα ἐθέμην τούτους· <...> καὶ πολλὰ ἂν ἔχων ἐπι πρὸς τοῦτοισι ἕτερον εἰπεῖν, παραλείπω τοῦ μὴ φορτικὸς εἶναι δοκεῖν. Ἀλλὰ μὴν ὑπὲρ γε τῆς δόξης οὕτω διενοήθην ἀπαντῶσαν μὲν αὐτὴν δέχεσθαι καὶ στέρχειν· ἢ γὰρ ἂν παντάπασι βλάξ εἶην τις· πραγματεύεσθαι δὲ μηδὲν εἰς αὐτὴν ἔξω τῶν λόγων αὐτῶν καὶ τῆς περὶ τὸν βίον ὀρθότητος συμφώνου τούτοις, ἀλλ' εἰ μὲν τις εἰς ταῦτα ὀρῶν βούλοιο θαυμάζειν, εἰ δὲ μὴ, χαίρειν εἶναι. παρόδους τοίνυν εἰς τὸ δημόσιον πλείστας ὧν ἐγὼ σύννοια ἐποίησάην, καὶ ταῦτα μὴ πόρρωθεν, εἰ βούλεσθε, ἀλλ' ἐξ αὐτῶν τῶν παρόντων τουτωνί

χρόνων σκέψασθε. τίνα γὰρ πανήγυριν ἡμεῖς ἢ τίνα σύλλογον παρεῖμεν τὸ μὴ οὐ κοσμήσαι τὴν πόλιν ἐν τῷ μέσῳ; καὶ ταῦτα οὐκ ἐνδεία δόξης. σὺν γὰρ θεοῖς εἰπεῖν τοσαύτη γεγένηται ὥστε μὴ ἀγωνίζεσθαι δεῖν ὑπὲρ τοῦ λαβεῖν αὐτήν, ἀλλ' ἀσφαλῶς ἔχειν σιωπᾶν ὑπὲρ τοῦ τὴν οὐσαν διασώσασθαι.

‘Теперь, когда начало речи положено, поглядите на сие дело и, коли найдете вы меня ленивым или чтящим иное превыше занятий красноречием, — я разумею хоть ныне, хоть в прежние времена — а тем паче вовсе лишенным усердия и любви к оному, то обвиняйте и хулите меня сколько угодно! Но ежели не дал я повода для насмешек, что, мол, «поболтать о всяком — тоже дело полезное», и ежели никогда не соделал я ничего пустого и без воли на то Бога²⁷, но всё, сказать по правде, делалось нами с величайшим тщанием и не без пользы, — ежели покажется вам, что дело обстоит именно так, то спрячьте от стыда ваши лица, ибо, во-первых, нет у вас права меня понуждать, а во-вторых, сами вы походите на жен, о коих говорят, что, когда те не могут исполнить задуманного, обвиняют в своих неудачах и бедах мужей. Поглядите на мою жизнь, как если бы глядели в отчет! Ведь еще в пору мужания послал мне Бог лучших учителей²⁸, первыми словами коих было, что суждено мне превзойти всех. С той поры и по сей день жил я, посвятив себя знаниям и красноречию, когда не мешали тому телесные недуги или тяжелые времена, превозмогавшие мое рвение. Однако и их одолевали мы, словно Одиссей, плывя на плоту, — но не в одиночку, а под началом величайшего и добрейшего из Кормчих, каковой ежечасно хранил наше судно²⁹ от потопления. Из греков, сколь нам известно, мы одни обратились к красноречию не ради богатства, славы, почестей, брака, власти или иной корысти, но, соделавшись истинными его почитателями, снискали достойную награду. Кому милы плотские утехи с отроками, кому — обильные ванны, кому — безудержное пьянство, а иные увлечены лошадьми да псами. Одни, клянусь Зевсом, оставили красноречие ради забав, другие — ради иных занятий. У меня же вся радость, вся сила — в речах, ибо они мне и дети, и родители, и труд, и досуг, — всё разом. <... > Я мог бы добавить и другое, но промолчу, рискуя показаться болтливим. Славу, ежели оной сподоблюсь, рассудил я принять и дорожить ею, дабы не предстать полным глупцом, однако ничего для того не делать умышленно, oprичь самих речей и праведной жизни, с ними сообразной. А захочет ли кто, глядя на них, восхититься или не захочет — дело его. Перед народом, сколько мне известно, выступал я с речами более прочих — и заметьте, не в прошлое время, а в самое, коли хотите, недавнее. Ибо на каком

²⁷ Т. е Асклепия.

²⁸ Конъектура Кейля (см.: Keil 1898: 232).

²⁹ Конъектура Бэра (см.: Behr 1981: 169).

всеобщем празднестве и при каком стечении народа не воспользовались вы случаем открыто восславить город³⁰? И не собственной славы ради, каковая, хвала богам, столь велика, что нет нам нужды состязаться в погоне за нею, но довольно и промолчать, дабы осталась она прежнею' (XXXIII 16–22 К).

Апология в сочетании с инвективой против софистов (3–4, 7, 11, 14, 24–33 К) дает основание рассматривать эту речь как гибрид защитительной и обвинительной ораторской речи, которая, безусловно, является здесь формой самопрезентации оратора³¹. Примечательно, что автор хорошо сознает неопределенность жанровой природы своей речи, предоставляя в конце слушателям самим решать, является ли она «самозащитой» (ἀπολογία), «порицанием» (ἐπιτίμησις) или «и тем, и другим» (ὡς ἀμφοτέρα) (34 К). Еще один показательный пример симбиоза двух этих жанров в софистической литературе — «Коринфская речь» (Ог. XXXVII), дошедшая до нас в корпусе Диона Христома, однако ему не принадлежащая, а являющаяся, скорее всего, сочинением Фаворина³². Она также представляет собой нечто среднее между апологией и скрытой инвективой в адрес коринфян, разрушивших у себя статую оратора вследствие внезапной немилости к нему императора Адриана. Приведем здесь небольшой отрывок, содержащий апологию оратора:

ἄνδρες δικασταί, ἅπαντά φασι δεῖν προσδοκᾶν ἐν τῷ μακρῷ χρόνῳ· οὗτος δ' ἐν τῷ βραχεῖ κινδυνεύει τεθῆναι μὲν ὡς ἄριστος Ἑλλήνων, ἐκπεσεῖν δ' ὡς πονηρότατος· ὅτι μὲν οὖν καλῶς καὶ δικαίως καὶ συμφερόντως τῇ πόλει τῆ ὑμετέρα καὶ πᾶσι τοῖς Ἕλλησιν ἐστάθην, πολλὰ ἔχων εἰπεῖν ἐν ὑμῖν βούλομαι διηγῆσασθαι γινόμενον ἐν ταῖς αὐταῖς Συρακούσαις· καὶ γὰρ οἰκεῖον τὸ παράδειγμα, καὶ δίκαιον ἴσως ἐστίν — ὥσπερ ἐκεῖνοι τιμῶσι τὴν μητρόπολιν, οὕτω καὶ ὑμᾶς τὰ τῆς ἀποικίας τῆς ὑμετέρας ἔργα καλῶς ἔχει μμεῖσθαι. Ἐκεῖνοι τοίνυν κατὰ τοὺς ἀρχαίους ἐκεῖνους χρόνους Λευκανὸν τινα ἄνθρωπον, ὅτι πρεσβείαν τινὰ εἰς τὸν δῆμον ἀπήγγειλε δωριστί, ἡσθέντες αὐτοῦ τῇ φωνῇ τά τε ἄλλα ὑπὲρ ὧν ἤκεν οὐκ ἄπρακτον ἀπεπέμψαντο καὶ ταλάντῳ ἐδώρησαντο καὶ τὴν εἰκόνα τοῦ σώματος ἐστήσαντο παρὰ τῶν ἀστυγειτόνων καὶ τῶν ἐκεῖνη Δωριέων, τῶν τε ἄλλων καὶ τῶν τὴν Ἰταλίαν κατοικοῦντων, ὡς εὖ τὸν ἄνδρα καὶ φιλοκάλως ἀμειψάμενοι ὑπὲρ τοῦ γένους τοῦ Δωρικοῦ, οὐ τὴν φωνὴν ἐπλησκήκει ἄχρι τοῦ καὶ ἐγεῖν δυνατὸς εἶναι. Εἰ δέ τις οὐ Λευκανὸς

³⁰ Имеется в виду Смирна, уроженцем которой был Аристид.

³¹ Подробнее об этом см.: Межерицкая 2021: 894–913.

³² Об атрибуции этой речи и о творчестве Фаворина в целом см.: Goggin 1951: 151, 191–192; Barigazzi 1966: 245.

ὦν, ἀλλὰ Ῥωμαῖος, οὐδὲ τοῦ πλήθους, ἀλλὰ τῶν ἱπποτρόφων, οὐδὲ τὴν φωνὴν μόνον ἀλλὰ καὶ τὴν γνώμην καὶ τὴν διαίταν καὶ τὸ σχῆμα τῶν Ἑλλήνων ἐζηλωκῶς, καὶ ταῦθ' οὕτως ἐγκρατῶς καὶ περιφανῶς, ὡς οὔτε τῶν πρὸ αὐτοῦ Ῥωμαίων οὔτε τῶν καθ' αὐτὸν Ἑλλήνων, εἰρήσεται γάρ, οὐδὲ εἰς τῶν μὲν γὰρ Ἑλλήνων τοὺς ἀρίστους ἔστιν ἰδεῖν ἐκεῖσε πρὸς τὰ τῶν Ῥωμαίων πράγματα ἀποκλίνοντας, τὸν δὲ πρὸς τὰ τῶν Ἑλλήνων καὶ τούτων ἕνεκα καὶ τὴν οὐσίαν καὶ τὸ πολιτικὸν ἀξίωμα καὶ πάνθ' ἀπλῶς προτιέμενον, ἴν' αὐτῷ περιῆ ἔν ἀντι πάντων Ἑλληνι δοκεῖν τε καὶ εἶναι — εἶτα τοῦτον οὐκ ἐχρῆν παρ' ὑμῖν ἐστάναι χαλκοῦν; καὶ κατὰ πόλιν γε παρ' ὑμῖν μὲν, ὅτι Ῥωμαῖος ὦν ἀφηλληνίσθη, ὡσπερ ἡ πατρις ἢ ὑμετέρα, παρὰ Ἀθηναίοις δέ, ὅτι ἀττικίζει τῇ φωνῇ, παρὰ Λακεδαιμονίοις δέ, ὅτι φιλογυμναστεῖ, παρὰ πᾶσι δέ, ὅτι φιλοσοφεῖ καὶ πολλοὺς μὲν ἦδη τῶν Ἑλλήνων ἐπῆρε συμφιλοσοφῆσαι αὐτῷ, οὐκ ὀλίγους δὲ καὶ τῶν βαρβάρων ἐπεσπάσατο. ἐπ' αὐτὸ γὰρ τοῦτο καὶ δοκεῖ ὑπὸ τῶν θεῶν οἷον ἐξεπίτηδες κατεσκευάσθαι, Ἑλλησι μὲν, ἵνα ἔχωσιν οἱ ἐπιχώριοι τῆς Ἑλλάδος παράδειγμα ὡς οὐδὲν τὸ παιδευθῆναι τοῦ φῦναι πρὸς τὸ δοκεῖν διαφέρει· Ῥωμαίοις δέ, ἵνα μὴδ' οἱ τὸ ἴδιον ἀξίωμα περιβεβλημένοι τὸ παιδεύεσθαι πρὸς τὸ ἀξίωμα παρорῶσι· Κελτοῖς δέ, ἵνα μὴδὲ τῶν βαρβάρων μῆδεις ἀπογιγνώσκῃ τῆς Ἑλληνικῆς παιδείας, βλέπων εἰς τοῦτον.

‘Граждане судьбы, всякому ожиданию, говорят, — свое время, и кто на свою беду был вознесен как лучший из эллинов, вскоре бывает низвержен как худший. Но дабы показать, что воздвигли вы меня³³ законно, справедливо и с пользой для города и всех эллинов, я, хотя и мог бы сказать многое, поведаю лишь о случившемся в тех самых Сиракузах. Поелику сие подobaющий и верный пример того, как они почитают свою прародину и как должно поступать вам самим по примеру своих переселенцев³⁴. Так вот, в те давние времена, когда один луканский посланец произнес перед народом речь по-дорийски, сиракузяне были столь ею очарованы, что не только, пообещав то, за чем он явился, назад отпустили, но и талантом сверху одарили, и статую его установили, чем великую похвалу заслужили у соседних городов и живших там дорийцев, в особенности у тех, что населяли Италию, ибо в лице сего мужа достойно и справедливо почтили дорийский род и язык, посредством коего тот достиг вершин красноречия. А ежели кто, будучи не луканином, но римлянином³⁵, и не из простолоудинов, но из всадников, достиг сродства с эллинами не только наречием, но и образом мыслей, нравом и всем видом, а тем паче — сродства, скажу я, столь великого и слав-

³³ В ряде мест речи Фаворин говорит от лица собственной статуи, чтобы усилить эффект от самооправдания.

³⁴ Сиракузы были основаны коринфянами во главе с Архием в 374/3 гг. до н. э.

³⁵ Фаворин был галлом, уроженцем города Арелата в Нарбонской Галлии, но, как многие представители провинциальной аристократии, имел римское гражданство.

ного, как прежде никто другой из римлян и никто из нынешних эллинов, ибо лучшие из эллинов открыто подражают римлянам, в то время как сам он подражает эллинам, не жалея для того ни имущества, ни положения — ничего, дабы взамен всего получить лишь одно: не только казаться, но быть эллином, — разве такой муж не заслуживает у вас статуи? Да и в любом другом городе? У вас, ибо будучи римлянином, стал эллином, как и ваша родина³⁶; у афинян, ибо говорит по-аттически; у лакедемонян, ибо любит гимнастику; у всех вместе, ибо жаждет мудрости и не только множество эллинов побудил сообща наслаждаться мудростью, но и увлек за собою немало варваров. По всему видно, боги столь щедро его одарили не зря, но дабы эллины, уроженцы Эллады, сознавали, что слава сопутствует учености не меньше, чем род; дабы римляне, окруженные почетом, не пренебрегали оной ради почестей, и дабы никто из галлов, глядя на сего мужа, не гнушался учиться у эллинов³⁷ (XXXVII 22–27).

Помимо всего прочего, эта речь включает в себя энкомий Коринфу (16–19), который позволяет оратору выказать коринфянам должное почтение и избежать упреков в прямых нападениях и обвинениях в их адрес. В финале речи мы также находим «утешение» (*παράκλησις*), как его определяет сам оратор (46), напоминающее традиционное утешение в заключительной части надгробных речей (ср.: Menander Rhet. III 418–422 Sp.). Однако оно обращено оратором к «молчаливому образу своих речей» (*λόγον ἐμὸν σιγήλὸν εἶδωλον*), которое можно интерпретировать либо как намек на утраченную статую, либо как метафору ораторского искусства. Это утешение наряду с элементами автобиографии является формой скрытой самопохвалы и, безусловно, служит целям самопрезентации оратора. Таким образом, в основе рассматриваемой жанровой инновации лежат

³⁶ После разрушения в 146 г. до н. э. город был восстановлен Юлием Цезарем и в последствии вновь обрел прежний греческий облик.

³⁷ Нарбонская Галлия, несмотря на отдаленное положение, имела давние культурные традиции. Сюда часто приезжали знаменитые греческие софисты (см.: Luc. *Bis accus.* 28; *Apolog.* 15; Plut. *Mor.* 131a и др.), славилась она и собственными учителями. Центром греческой образованности в Галлии была Массилия. Кроме того, в Лугдуне проводились традиционные состязания в римском и в греческом красноречии (см.: Svet. *Gai. Calig.* 20; *Juvenal I* 1.44). Однако несмотря на живой интерес к греческой риторике и культуре в целом, большинство галлов смотрело на нее как на развлечение в духе театральных представлений или спортивных состязаний. Фаворин упрекал за это сограждан и стремился собственным примером поднять престиж греческого языка и обычаев.

ло очевидное желание софистов как можно громче заявить о себе и как можно выгоднее себя подать, подчеркивая собственные заслуги и умаляя успехи конкурентов. Завершая разговор об апологии как популярнейшем жанре Второй Софиистики, нельзя не упомянуть и Лукиана, которого смело можно назвать настоящим мастером этого жанра (см.: Whitmarsh 2005: 80–81), памятуя о том, как часто оратору приходилось защищаться от обвинений, вызываемых различными его сочинениями (см. «В защиту портрета», «Апологию», «Рыбака», «Учителя красноречия» и др.).

Приведенные примеры показывают, что софисты действительно «были готовы экспериментировать как в рамках традиционной риторической практики, так и за ее пределами» (Anderson 1993: 68). И главной, хотя и не единственной целью этих риторических «экспериментов» являлась самопрезентация ораторов, которую, на наш взгляд, следует рассматривать как важнейший фактор развития софистической риторики римской эпохи. Переосмысление и обыгрывание элементов различных жанров путем помещения их в новый, порой неожиданный контекст было для софистов не только способом выйти за рамки классической риторической традиции (хотя мы не должны переоценивать степень их сознательного стремления к творческой оригинальности), но и мощным средством самопродвижения в условиях высокой конкуренции в ораторской среде. Это обстоятельство в итоге открывало путь новым литературным жанрам, некоторые из которых оказались гораздо долговечнее самых строгих и незыблемых предписаний и правил аттицизма.

Литература

- Anderson, G. 1986: *Philostratus: Biography and belles lettres in the third century A.D.* London.
- Anderson, G. 1993: *The Second Sophistic. A cultural phenomenon in the Roman Empire.* London.
- Barigazzi, A. (ed.) 1966: *Favorino di Arelate. Opere.* Firenze.
- Bartsch, S. 1989: *Decoding the ancient novel: The reader and the role of description in Heliodorus and Achilles Tatius.* Princeton.
- Baumgart, H. 1874: *Aelius Aristides als Repräsentant der sophistischen Rhetorik des zweiten Jahrhunderts der Kaiserzeit.* Leipzig.
- Behr, C. A. (ed.) 1981–1986: *P. Aelius Aristides. The complete works.* Vol. 1–2. Leiden.
- Bompaire, J 1958: *Lucien écrivain: imitation et creation.* Paris

- Boulanger, A. 1923: *Aelius Aristides et la sophistique dans la province d'Asie au IIe siècle de notre ère*. Paris.
- Bowie, E. L. 1974: Philostratus: Writer of fiction. In: *Greek fiction: The Greek novel in context*. Eds. J. Morgan, R. Stoneman. London, 181–199.
- Cassin, B. 1986: Du faux ou du mensonge à la fiction. In: *Le Plaisir du parler: études de sophistique compare*. Éd. B. Cassin. Paris, 3–29.
- Fowler, D. P. 1991: Narrate and describe: the problem of ekphrasis. In: *The Journal of Roman Studies*. Vol. 81, 25–35.
- Glaeson, M. W. 1995: *Making men: Sophists and self-presentation in Ancient Rome*. Princeton.
- Goeken, J. 2012: *Aelius Aristide et la rhétorique de l'hymne en prose*. Turnhout.
- Goeken, J. 2016: Le corpus des hymnes en prose d'Aelius Aristide (or. 37–46). In: *Aelius Aristide écrivain*. Eds. L. Pernot, G. Abbamonte, M. Lamagna. Turnhout.
- Goggin, M. 1951: Rhythm in the prose of Favorin. In: *Young Christian Students Records*. Vol. 12, 151–192.
- Gunderson, E. 2000: *Staging masculinity: the rhetoric of performance in the Roman World*. Michigan.
- Hodkinson, O. 2015: Narrative technique and generic hybridity in Aelius Aristides prose hymns. In: *Hymnic narrative and the narratology of Greek hymns*. Ed. by A. Faulkner. Leiden and Boston.
- Kaster, R. A. 2011: Controlling reason: Declamation in rhetorical education. In: *Education in Greek and Roman antiquity*. Ed. Y. L. Too. Leiden, 317–337.
- Keil, B. (ed.) 1898: *Aelius Aristides: Quae supersunt omnia*. Bd. 2. Berlin.
- Kohl, R. 1915: *De scholasticarum declamationum argumentis ex historia petitis*. Padeborn.
- Mezheritskaya, S. I. 2017: Rhetoric in the service of politics: panegyric and its role in the era of the Second Sophistic. *Steps. The Journal of the School of Advanced Studies in the Humanities*. Vol. 3. № 4, 224–233.
- Mezheritskaya, S. I. 2021: “Κακοδαίμονες σοφισταί”? O samoprezentatsii sofistov v rimskom mire [“Κακοδαίμονες σοφισταί”? About self-presentation of sophists in the Roman world]. *Indo-European linguistics and classical philology* Vol. XXV, 894–913.
- Norden, E. 1898: *Die antike Kunstprosa*. Bd. 1. Leipzig.
- Palm, J. 1965: Bemerkungen zur Ekprase der griechischen Literatur. In: *Kunfliga Humanistika Vetenskaps. Samfundet i Uppsala*, 109–211.
- Pernot, L. 2007: Hymne en vers ou hymne en prose? L'usage de la prose dans l'hymnographie grecque. In: *L'hymne antique et son public*. Ed. Y. Lehmann. Turnhout.
- Piot, H. 1914: *Les prosédés littéraires de la IIe Sophistique chez Lucien*. Rennes.
- Russell, D. A. 1983: *Greek declamation*. Cambridge.
- Reardon, B. 1974: *Courants littéraires grecs des IIe et IIIe siècles après J.-C.* Paris.
- Rhode, E. 1914: *Der griechische Roman und seine Vorläufer*. Stuttgart; Leipzig.

- Schröder, J. P. 2003: *Studium declamatorium. Untersuchungen zu Schulübungen und Prunkreden von der Antike bis zur Neuzeit*. Hrsg. B.-J. und J. P. Schröder. München.
- Swain, S. 2000: Dio's life and works. In: *Dio Chrysostom. Politics, letters, and philosophy*. Ed. S. Swain Oxford, 1–10.
- Trapp, M. 2020: With all due respect to Plato: The Platonic Orations of Aelius Aristides. *Transactions and proceedings of the American Philological Association*. 2020. Vol. 150, 85–113.
- Van Groningen, B. A 1965: *General literary tendencies in the second century A. D. Mnemosyne*. Vol. 18. P. 41–56.
- Whitmarsh, T. 2004: Dio Chrysostom. In: *Narrators, narratees, and narratives in Ancient Greek literature*. Eds. I. J. F. de Jong, R. Nuenlist, and A. Bowie. Leiden, 451–464.
- Whitmarsh, T. 2005: *The Second Sophistic*. Oxford.